

И. М. Долгорукий

**Славны бубны за горами или
мое путешествие кое-куда
1810 года**

Чтения в ИДР

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
И11

И11 **И. М. Долгорукий**
Славны бубны за горами или мое путешествие кое-куда 1810 года: Чтения
в ИДР / И. М. Долгорукий – М.: Книга по Требованию, 2021. – 174 с.

ISBN 978-5-458-43878-0

Не мог остаться в стороне весьма популярный в начале XIX века жанр - путевые записки. Автором едва ли не первых стал профессиональный и признанный писатель, князь Иван Михайлович Долгорукий. Долгорукий томно заслонялся кружевным платочком от облаков одесской пыли, сетовал на распущенность одесских дам, бесстыдно плещущихся в волнах Черного моря в закрытых купальных костюмах - от шеи до пят, с длинным рукавом, и в закрытых же купальных каретах, которые завозила в море лошадь. "Славны бубны за горами или путешествие мое кое-куда 1810-го года" - назвал он свою книгу об Одессе. Но это не помешало его признанию: "Не хватает денег на Париж, поеду-ка я в Одессу".

ISBN 978-5-458-43878-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

СЛАВНЫ БУБНЫ ЗА ГОРАМИ

или

ПУТЕШЕСТВІЕ МОЕ КОКУДА 1810 ГОДА.

Г Л А В А I.

Выѣздъ изъ Москвы.

Уѣхалъ бы въ Парижъ, по тому что люблю шумъ, гамъ, театръ, роскошь, и прочее, и прочее; а гдѣ всего этого болѣе, какъ не во Франціи? Но у кого нѣтъ ни вотчинъ, ни денегъ, тотъ живетъ, какъ Богъ велитъ. Мнѣ вздумалось проѣхать: все дома, да дома, наскучить и мудрецу. Общая молва, журналы, вѣдомости мнѣ вскружили воображеніе. Я рѣшился, и поѣхалъ съ женою и съ четырьмя домашними товарищами въ Одессу.

Выѣхали мы очень поздно изъ Москвы, 10-го Іюня. На сѣмудобились лошадей. Всѣ наши спутники и слуги отстали. Я, съ женой, въ открытой коляскѣ помчался, перекрестясь, и за заставой, какъ новыи Хоревъ, обратясь къ Москвѣ, сказалъ:

Тебя ли, родина, забуду,
Москва, мой оцѣи домъ, мой рай?
Доколя жить на свѣтъ буду,
Москва, ты мой избранный край!

Однако, чего не дѣлаетъ фантазія! Ёду безъ нужды, безъ цѣли, только чтобъ ѣхать. Охота пуще неволи. Дожди проливные испортили всю дорогу; грунтъ до Серпухова глиняной. Грязь по колѣно; путь гористой и джмелой. А по ночамъ не ѣзжу.

У всякаго свой вкусъ; меня такъ иногда
Ночной ворово путь отходъ не забавляетъ.

Достигли мы до подмосковной Князя Трубецкаго. Тутъ разсудили дожидаться сонихъ и коекакъ переночевать. Поварна наша услана была впередъ, въ Подольскъ. Худое приключеніе для аппетита. Съ какой радостью, вошедши въ избу, узналъ я, что повѣщикъ этого селенія, не далеко отъ него живущій, тотъ самый Князь Трубецкой, у котораго я игрывалъ на театрѣ; что эта деревня та самая, въ которой бывали разныя глѣнія увеселенія! Я послалъ ему объ насъ сказать; онъ выслалъ хлѣбъ-соль, хорошій ужинъ, добрую бутылку вина, мягкую постелю. Какое для странниковъ благодѣаніе! Между тѣмъ догнали насъ и наши. Мы отужинали, и очень крѣпко уснули.

Подмосковная—прекрасная. Выѣхавши изъ нея, я оставилъ хозяйну записочку:

Спасибо, милый Князь, тебѣ за угощеніе,
За хлѣбъ-соль, за постель—сокровище въ пути!
Моложе сдѣлать глѣшь твое увеселенье,
Подъ старость здѣсь же Богъ привелъ почельтъ ѣхать.

По утру мы проскакали Подольскъ. Городокъ изрядной, расположенъ хорошо, разбитъ на двѣ части; рѣка Пахра ихъ раздѣляетъ, воды въ ней много. Бѣлаго известковаго камня въ городѣ пропасть; всѣ дома на фундаментахъ и у многихъ крыльцы изъ него сдѣланы. Здѣсь нашелъ я нашихъ Володимерскихъ каменщиковъ, и очень имъ обрадовался. Дѣйствіе привычки! Одинъ изъ нихъ на вопросъ: «Кѣо у нихъ Исправникъ?» отвѣчалъ: «Не знаю; мнѣ до него никогда дѣла нѣтъ.» Счастливыи поселенныи! Онъ не знаетъ Исправника. Въ избѣ, гдѣ мы, въ 9 часовъ утра, съѣли ужинъ, который насъ ждалъ на канупѣ, мы полюбовались на разныя картины и надписи, на примѣръ: Кесарь изображенъ въ латахъ и надъ нимъ:

Проходи! стая до едутъ, сажь шладу
И читай:
И грамотъ не зналъ за недосугомъ.
На право кругомъ—
Ступай!

И въ Подольскѣ есть свои затѣйники. Городъ подмосковный.

Дорога Серпуховская мучительна въ ненастье. Каждой часъ поливаетъ насъ дождь и холодный вѣтеръ продуваетъ до костей. Горы, недомостки, грязь—все бѣсило. Первый опытъ добровольнаго странствованія! Овечьи околы Москвы покрывала поля, какъ бархатъ, и обѣщала плодоносную осень.

Мы встрѣчали большіе гурты рогатаго скота. Это все, дуналъ я, боеuf-steaks для столичныхъ Лукулловъ. Часто намъ попадались разнощники съ шелковыми товарами. Все ѣдетъ въ Москву: туда ишь и дорога! Гдѣ же быть роскоши и красотѣ, какъ не тамъ? Мы объѣхали нѣсколько кибитокъ, наполненныхъ Донскими Казаками: они изъ Петербурга ползли на родину,—иные въ отпускъ, иные въ отставку. Нѣкоторые изъ нихъ переплели между кузова и колеснаго стана версаки, и на нихъ, какъ въ зыбкѣ, качались: у всякаго своя роскошь! Съ ними въ одномъ обозѣ везли деревья въ кадкахъ и птицъ въ клеткахъ. Видно, что между ими были свои Бюффоны и Линнеи.

Живописныхъ видовъ на этомъ пути около Москвы и не приметель. По сторонамъ встрѣчаются хорошія селы, большіе барскіе дома съ садами. Впрочемъ, крестьянское строеніе очень мелко и бѣдно; избы одножилыя, большею частію крытыя соломой. Причина наружи—лѣсу нѣтъ.

Мы обѣдали въ селеніи, называемомъ Лопаня, за крестьянскимъ столомъ, сидя на лавкахъ, на открытомъ воздухѣ. Тутъ была мирская сходка. Я подошелъ къ толпѣ. Одинъ мужикъ кричалъ другому: «Для меня міръ важнѣе барина!» Слава Бѣгу! И мужики входятъ во впускъ политической свободы.

Г Л А В А II.

Серпуховъ.

Мы, пріѣхали сюда довольно рано; можно было еще ходить смотреть, записывать.

Съ Московской стороны городъ некрасивъ: онъ сидитъ въ долу, но довольно обширенъ. Взглянемъ сперва вдругъ. Мостовыи всё изъ бѣлаго камня: причина уже известна; домовъ каменныхъ много; лабазовъ и лавокъ довольно; церквей не мало. Я нашелъ здѣсь стараго знакома и подчиненнаго. Г-нь К. всегда любила дисциплину. Онъ меня принялъ ласково, угостилъ дружелюбно, и далъ ночевать въ своемъ домѣ. Управляя почтою, онъ самый интересный обыватель для путешествующихъ. Водилъ меня охотно вездѣ, не смотря на подагру, и хвасталъ всѣмъ тѣмъ, что и безъ дальнихъ похвалъ правилось.

Прежде всего взошли мы на развалины старинной крѣпости: ея строилъ Царь Иваиъ Васильевичъ. Подивитесь, что есть еще какой-ни будь ея остатокъ! Скодько ни старались въ ближайшихъ годахъ ее разорить, для того, думаю, чтобъ матеріалами ея воздвигнуть новое зданіе, которое также опять внуки наши примутъ въ ломы, все еще руины ея и до сихъ поръ безпродобны. Я до изумленія плѣнялся той стороною стѣны, которая выпуклостію своею образуетъ прекраснѣйшій Римскій портикъ. Эстампъ рѣдкій! Взоръ оттуда на рѣку; наружность удваиваетъ прелесть мѣста. Я поднимался на самую стѣну, и все мнѣ вокругъ нравилось. Я увѣренъ, что если бы живописецъ раскрасилъ этотъ ландшафтъ на холстѣ и сталъ продавагъ за Итальянскою, видъ свою картину, всё бы дорогою цѣною ее купили, лучшія комнаты домовъ ею убрали и гостямъ бы стали съ восхищеніемъ показывать. Но это руина въ Серпуховѣ, и изъ тысячи человекъ, кои туда пріѣзжали для прогулки, какъ я, можетъ быть, два, или три, глаза на нее бросили. Странное предубѣжденіе: свое всегда постыло. Я желаю, чтобъ этѣ ветхія стѣны простояли еще столѣтъ: и тогда любопытный станетъ еще на нихъ глядѣть съ

удивленіемъ, а нашихъ нынѣшнихъ зданій едва отыщется въ такое время и мѣсто, гдѣ оны были, не только обломки. Я, сошедши внизъ, разъ пять оборачивался къ крѣпости, снова глядя, на нее, все дивился и невольно про себя ворчалъ: «Прекрасно! Прекрасно!» Что пріятнѣе, чувства восхищенія! Оно-то и жизнь.

Зашелъ въ соборъ: Говорять, и даже ишутъ, будто домъ строимъ лѣтъ за пять сотъ тому назадъ: не вѣрю! Ни малѣйшаго нѣтъ доказательства сей истинѣ; или печать древности во время возобновенія храма: такъ наглядная въ нынѣшнихъ выдумкахъ архитектуры, что разглядѣть ее ни на одномъ камнѣ нельзя. Пренасыщенъ цѣли: всемогущую, которую саушала пять, шесть, старушенька. Я имъ пожелаалъ добраго сна.

Корпусъ Присутственныхъ Мѣстъ каменной въ три этажа; по наружности судя, очень хорошъ и умѣстительнъ для судей, а для суда и правды довольно дѣйствителенъ съ добрымъ сердцемъ.

Училище расположено въ хорошемъ каменномъ домѣ. Естьли ученіе положе на фасадъ, то не жаль Государевыхъ денегъ. Противъ нашей квартиры трактиръ напоитенъ былъ, какъ и вездѣ, гуляками: и праздность имѣеть свои прелести. Тутъ органы до ночи не переставали заводиться, и мы подъ звуками ихъ очень сладко заснули.

12 числа отправились съ утра въ Тулу. На выѣздѣ изъ Серпухова есть мужской монастырь. Мѣстоположеніе отъиное! За лѣсомъ является женскій монастырь, и видъ на городъ со всѣхъ сторонъ заманчивъ. Церковь примѣчанія особеннаго не заслуживаетъ. Въ монастырѣ хоронится родъ Головкиныхъ. На ракъ одного изъ древнихъ Настоятелей, по имени Аванасія Высоцкаго, который подъ спудомъ, изображенъ онъ самъ въ позолоченномъ вѣницѣ, какъ водится вокругъ ликовъ Святыхъ, хотя его въ числѣ ихъ Церковь не полагаетъ. Въ церкви на монастырскомъ дворѣ погребенъ М. С. Соймоновъ. Тѣло его спрятано подъ чугунной доской съ прѣстою надписью. Какое смиреніе для вельможи!

Съ версту отъ города за лѣсомъ течеть Ока. Но какъ ее сравнить съ ней самой въ Муромѣ! Берега ея отлоги; пространствомъ уже и волою сто разъ обидѣе. По ту сторону рѣки Серпуховъ совершенно плывають. Взгляните на него отсюда, и не стыдитесь сказать, что и Серпуховъ хорошъ. Настоящій театръ! Городъ въ отдаленной впадинѣ; весь въ кучѣ; отъ него по обѣ стороны, какъ кулисы, оберегаютъ его двѣ рощицы. Изъ нихъ выдѣются къ берегу на одну сторону башни женской обители, на другую ограда мужской, и сіе зрѣлище довершаютъ разныя крестьянскія слободки, облегающія монастыри. Какъ смотрѣть безъ удовольствія на такое согласіе искусства съ натурой! Сквозь всей этой картины кидается въ глаза крѣпость. Я отыскалъ тутъ точку привлеченія моего любопытнаго взора. Вглянуль, прощаясь съ городомъ, на достопамятныя ея развалины, и такъ ихъ привѣтствовалъ:

Свидѣтели побѣдъ Великаго Царя,
 Съ восторгомъ вижу васъ, руины той ограды,
 Съ которыхъ не смогли Татарскихъ силъ громады,
 Движеніе вѣковъ, ниже стихіевъ прѣ!
 Достыгли вы до насъ, и мы, гигантовъ племя,
 Правыише въ прахъ колосы превращать,
 Дерзнули было съ васъ печать времени сорвать;
 Но намъ ли сокрушить, что чтить и само время!
 Въ развалинахъ своихъ еще премного глѣтъ
 Прославить замокъ сей десницу Іоанна:
 Тамъ анждется хвала того вождя избранна,
 Которымъ изумить судили боги свѣтъ!

Г Л А В А Ш.

Тула, оружейный заводъ.

Долго не терялся изъ виду Серпуховъ. Потомъ до самой Тулы ни чего для взора пріятнаго: мѣста степныя, лѣсу мадо, изрѣдка рощи; жилья крестьянскія тѣсны, низки, бѣдны. Въ нашихъ мѣстахъ заборникъ лучше и крупнѣе! Грунтъ земли пло-

ытый съ пескомъ, иногда глинистый; чернозему мало. Во всемъ, саженъ увидяше волну: — тамъ была бездѣльная страна! Сидя подъ тѣмъ деревомъ, которое всадъ примета. Мамонъ бѣлой да самою Тулу съ нами не растается. Лошади почтовые сыты и бѣгутъ скоро.

Мы обѣдали въ Западѣ. Тамъ называется селеніе, принадлежавшее Д. Л. Нарышкину. Тутъ жили ружейники; казна ихъ купила и перевезла въ городъ. Здѣсь пріятно взглянуть на опыты Россійской живописи; ни какой натуралистъ не отыщетъ такого дѣла ницъ, какихъ мы тутъ видѣли. Кабинетъ чудомъ известнаго въ свое время въ Москвѣ К. О. не цѣтрѣ той комнаты, гдѣ мы остановились. Мыя забавляли очень надионалтъ обыцновеныя проказы путешественниковъ. Гдѣ они стѣнъ не маразгъ? На одной нашель ихъ до 20-ти и внизу слѣдующую, которая мнѣ очень полюбилась: — Итъ: врго выше писаннаго заключить должно, что по этому пути мало умныхъ людей бздтъ. По надписямъ судя—правильное примѣчаніе! Я хототалъ надъ ней выють до Тулы. Горы отъ Серпухова хотя нрѣдка, но продолжаютъ; источникъ мало, а въ жаркое время долго не видать воды тяжело!

Наконецъ мы въ Тулѣ. Посмотримъ! Для этого мы здѣсь пребыли почти два дни, жили въ трактирѣ, есгья можно назвать жившо только мочлегъ; вврочемъ, я все шатался. Здѣсь такъ же все дорого, какъ и въ Москвѣ. Общая участь городовъ, окружающихъ столицу. Ненастная погода отнявала у насъ половину того удовольствія, которое дастъ любозысканіе.

Городъ самъ по себѣ великъ, но удивляется еще соединенной съ нимъ оружейной слободой. Множество каменныхъ домовъ и тамъ и тутъ даетъ породу вида: великодѣльный. Тула цѣмъ цѣна вса бѣлаетъ камнемъ; тамъ дикаго дѣтъ. Улицы правильныя, есть между ними, подобно большимъ городамъ, переулки и перекрестки. Довольно для общаго взгляда!

Первый предметъ любозысканія въ Тулѣ, оружейный заводъ. Кто объ немъ не знаетъ и не слышалъ? Но такъ какъ на всахъ;

еще можно смотрѣть съ разныхъ сторонъ и не съ одинаковыми объ ней разсужденіями, то и мнѣ позволить сообщить здѣсь мои примѣчанія. Они будутъ очень поверхностны и недостаточны; ибо я могъ только теоретическое получать объ немъ понятіе: заводъ въ то время былъ безъ дѣйствія отъ недостатка воды, на немъ работъ не производилось. Итакъ я много слушалъ и слышалъ, а ни чего практическаго не видалъ. Отвѣщая, однако, что ни будь сказать. Мнѣ никогда не пришло бы на мысль, что заводъ такой, какъ пашъ въ Тулѣ, можетъ быть въ такомъ уудачѣ со стороны его помѣщенія. Вся фабрика изъ дерева и подвержена всѣмъ бѣдствіямъ огня тамъ, гдѣ кирпичное строеніе не дороже деревяннаго; ибо лѣсу нѣтъ. Правда, что кирпичъ дѣлается мелкой; въ половину противъ нашего, и тотъ продается уже рублѣй по семи тысяча: при всемъ томъ государственное такое заведеніе, котораго польза предполагается быть почти неограничонной, не стоятъ ли важныхъ пожертвованій, для цѣлости и благонадежности своей?

Я сказалъ уже, что ни какихъ машинъ я не видалъ въ дѣйствіи: воды нѣтъ. Для накопленія ея въ рѣкѣ Упѣ, которая протекаетъ сквозь Тулу и въ которой, подобно какъ и вездѣ, даже въ Балтійскомъ морѣ, примѣчено изслѣдователями физическихъ чудесъ, что вода упадаетъ, сдѣланы ворота и шлюзы изъ благаго же камня. Польза тутъ соединена съ прихотью, тайно и въобщей разумную цѣль; ибо и удовольствіе общества должно считатьъ важной пружиной въ политическомъ управленіи. Я хочу сказать, что здѣсь дѣлается набережная и для прогулки бульваръ. Москва всѣмъ городамъ прихвръ. Общій телеграфъ. Что видать въ ней, то перенять хотятъ вездѣ, кстати и не кстати; а Москва, также въ свою очередь, глядитъ на градъ Петровъ. Всѣмъ этии работами управляетъ военный чиновникъ Г. В., человекъ, какъ изъ разговоръ его мнѣ показалось, хорошій, честный, знающій свое дѣло, горячій къ своему Отечеству, чего больше? Онъ меня водилъ вездѣ и съ армянскими снѣзжениками удовлетворялъ моиъ распросы.

Вшедши въ арсеналь, я далъ полную свободу моему восторгу. Я видѣлъ, и ввчалъ, то самое ружье, которое судѣльвала

Екатерина, плути въ Херсонъ гремѣть новою славою во все-ленной. На немъ эпоха сія, для Тулы знаменитая, насѣчена золотыми буквами. Цѣль молотокъ, коимъ десница ея дала послѣдніе удары не обработанному еще да нея ружью. Цѣлю то блюдо, на которомъ онъ поднесенъ былъ ей. Пусть не Екатерины точно принадлежитъ отдѣлка этого ружья: она его прикоснулась — довольно! Я взглянулъ на него, задрожалъ, заплакалъ и прильнулъ къ нему. О! Екатерина! Ты уже не чувствуешь похвалы Тѣмъ онъ справедливѣе. Я радъ, когда имѣю случай въ полной голосъ сказать, что я чту память твою. Не ты ли возвеличила судьбу мою? Не ты ли судила меня быть достойнымъ служить твоему престолу? Многіе должны многимъ Отечеству: я, я всѣмъ долженъ одной тебѣ.

Комната въ арсеналѣ, гдѣ показывается означенная рѣдкость, убрана прѣличивѣйшимъ ея образомъ; въ средній бюстъ Екатерины окруженъ военными трофеями; въ большой пирамидальной колоннѣ хранятся: ружье, молотокъ и блюдо, о коемъ говорено выше; по стѣнамъ, въ углахъ и вездѣ, разставлены разнообразныя орудія; карнизы верхній весь обнизанъ дѣпью маленькихъ пистолетовъ. Тутъ отъ самой большой пушки до малѣйшаго кортика все употреблено на убранство комнаты. Нѣтъ орудія, котораго бы вы тутъ не нашли, разумѣется, Русскаго. Но, слава Богу! наука драться такъ вразумительная стала всѣмъ народамъ и въ практикѣ и въ теоріи, что всѣ огнестрѣльныя орудія сдѣлались общими. По крайней мѣрѣ и это здѣсь увеличиваетъ цѣну мѣста: все что вы такого найдете, сдѣлано въ Тулѣ.

Оружейная слобода управляется мѣстомъ, особеннымъ отъ Губернскихъ повсемѣстныхъ становъ. Его зовутъ оружейнымъ Правленіемъ. Предсѣдательствующій — главный начальникъ заводовъ. Правленіе имѣетъ подъ собою нзрядную Палату, гдѣ сидятъ члены изъ сословія мастеровыхъ, и Нижній Словесный Судъ. Во всѣхъ Присутствіяхъ внутренній уборъ покоевъ отвѣчаетъ достоинству мѣста. Я о семъ упоминаю по тому, что не всѣ Осеидины дворцы такимъ пригожествомъ похвастать могутъ.

Въ Разрядной Палатѣ хранится золотой ковшъ, вѣсомъ въ три фунта, съ надписью прекрасной работы: онъ жалованъ ны-

и Императоръ Государь, оутвердивъ свободу для своего народа, и для нации.

Покон Управляющаго, прекрасно отдалены, и промѣстивши его, съ роскошью и съ вкусомъ. Прелесть много, на полорогитъ. Общая участь всѣхъ живущихъ въ казенныхъ домахъ, при казенныхъ единственно думаютъ, о величавыхъ раскладахъ, и обильныхъ адать, а додвигъ дуста, живеть, какъ знаютъ!

При оружейномъ домѣ же заводъ, учреждена школа, вѣдъ которой продаются равныя, геометрическія и математическія инструменты, воиной дѣлной. Заведомъ сими, обязанъ Пудъ Михайлу Никитичу Кречетникову: * онъ вызвалъ мастера Нѣмца, дѣлать ей устроилъ, открылъ, и онъ же донинѣ ею править. 26 лѣтъ трудится надъ извозомъ и дѣлаетъ все, отъ астролябіи до компаса. Независимый промыселъ. Онъ обучаетъ ему до 10-ти чело- вѣкъ, въ дѣлѣ оружейныхъ. Странно, что такое полезное ошеденіе, какъ слышала я, не имѣть ни стагу, ни основатель- ному, волежанатъ. Оно содержится на счетъ разныхъ экономиче- скихъ средствъ, существуетъ по произволу начальника завода и, следовательно, зависитъ отъ доброй, или худой, воли каждаго, вступавшаго въ сіе званіе!

Оружейники пользуются хорошимъ состояніемъ: есть изъ нихъ капиталисты, почти у всѣхъ каменные, а у иныхъ даже кирпичные дома. Одинъ изъ мастеровъ, по имени Мансуровъ, отдалъ стальной уборной стогъ съ приборомъ. Онъ поднесилъ его Государынѣ Императрицѣ, Елисаветѣ Александровнѣ, и награ- дилъ за рукодѣлье, а вещь осталась у него, съ дозволеніемъ про- дать ее въ свою пользу. Я былъ у него и, дождавъ на себѣ

* Говорятъ Губернатору Казанскому, Тульскому и Рязанскому, съ 1776 по 1791 году. Подробная опись, какъ въ Москвѣ, преданной въ его жур- налу реляцій Ея Императорскому Величеству, въ 1802 и 1807 году, описанъ въ Запискамъ о движеніи и дѣйствіяхъ войска въ Лѣтѣ 1792 г., поименованъ въ Пудъ дѣлѣ, Писемъ (къ Императрицѣ) и Обществу Исторіи и Дѣлъ Россій- скихъ при Московскомъ Университетѣ, 1863 года, отдѣль стр. 40—41 и 61, 62